

Юрий Львович Слёзкин (1885-1947).

Источник: "Новелла серебряного века", Москва, "Терра-Терра", 1994.

OCR и вычитка: Александр Белоусенко (belousenko@yahoo.com), 16 августа 2003.

ЮРИЙ СЛЁЗКИН

АСТРЫ

Как увядающее мило.
Какая прелесть в нем для нас,
Когда, что так цвело и жило,
Теперь так немощно и хило
В последний улыбнется раз.

Ф. Тютчев

C'etait un mal vulgaire et bien connu des hommes
Mais, lorsque nous avons quelque ennui dans le coeur,
Nous nous imagmons, pauvres fous que nous sommes,
Que personne avant nous n'a senti la douleur.

A de Musset*

** Это была беда, хорошо знакомая людям,
Но, когда в наше сердце входит горе,
Нам, несчастным, кажется, что никто
Еще до нас не испытывал подобной боли
А. де Мюссе*

Альфред де Мюссе (1810-1857) -- французский поэт-романтик. Цикл поэм "Ночи" (1835-1837), любимый Наташей, проникнут меланхолией и скорбью.

I

Наташа и Глаша шли под руку по каштановой аллее, уже желтой и поредевшей.

Наташа -- горбатая, с худым бледным лицом, опиралась длинной костлявой рукой на палку, а Глаша несла большой букет астр. Это была их обычная вечерняя прогулка. В конце аллеи, на лужку, возвышался за оградой мраморный крест. Здесь была похоронена их мать. Отец их, тоже умерший, лежал далеко отсюда -- в городе, где был губернатором. Они остались одни -- две сестры доживать свою скучную жизнь в родовом Замосье. Они решили жить в имении потому, что город их пугал, не привыкших к самостоятельности. Ни одна, ни другая не умели хозяйничать, управляющий их обкрадывал, мужики надували, но все-таки это было насиженное гнездо, и они любили его -- должно быть, за те длинные тоскливые вечера, которые проводили здесь.

Они склонились над могилой и долго молчали. Наташа молилась, широко крестясь своей высохшей обезьяньей рукой; Глаша глубоко задумалась. Она была гораздо моложе сестры, красивее ее; ей шел тридцать пятый год. От долгого девичества она несколько высохла, но еще не отвыкла мечтать, и с каждым годом, ведущим ее к старости, -- мечты эти становились неопределеннее, но острее.

Каждый год, чаще всего весной, ею овладевал болезненный мистицизм, она точно вспоминала о всех своих прегрешениях и торопилась каяться. Тогда зажигались лампы, читалось евангелие, надевалось черное платье. Потом неожиданно в один из солнечных дней она вдруг чувствовала себя совершенно холодной к религии; она уходила в лес, долго бродила там и приходила домой хмельная, взволнованная, дикая. Ее серые, всегда грустные глаза загорались, вся она выпрямлялась, а голос ломался